

Кто устоял в сей жизни трудной

Всёвышний распорядился так, что бывший лейтенант **Василь Быков**, почти погибший на войне, но не погибший, всю свою жизнь посвятивший фронтовой прозе — ее еще называли «лейтенантской прозой», — скончался именно 22 июня, вечером. И опять было воскресенье, как тогда, в 1941-м.

Известия 2003-го года

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ

Рукопожатие

1976 год. «Известия» опубликовали мой очерк «Свидетельница» — о старушке Огурцовой, точнее, о гибели в войну ее мужа и сына. Продолжение очерка («Имя на граните») — о ее полном одиночестве и нищете побоялись даже показывать главному редактору (фигуре, в ту пору зловещей). 1980 год. Главный редактор уехал в командировку, и в редакции решили рискнуть — опубликовали. Четыре года спустя!

Звонок — мне от заместителя главного. В ЦК, в агитпропе очень хвалили очерк. Кто? Сам Тяжелников. Еще звонок — от первого заместителя главного. Да, хвалили, приходи на планерку, будем обсуждать, хватит уже в кустах прятаться. Решили быть честными.

А через три дня вернулся главный. Куда-то съездил с утра, говорили — к Суслову. Вернулся, собрал заместителей, на столе лежал очерк, весь исчеркан. Когда главный был в ярости, он кричал и топал ногами. Как было в этот раз — не знаю, но заместители вышли подавленные.

В эти угрюмые дни мне пришла телеграмма из Минска. Отклик. «Это самая человечная публикация о бесчеловечности за последние десятилетия советской печати». Подпись: «Василь Быков».

Так мы познакомились. Телеграмма была как награда, но я даже не мог показать ее в редакции: связанная с именем опального, гонимого писателя, она как бы подтверждала порочность, глубокую антисоветскость публикации.

Кстати. После публикации старушке Огурцовой назначили наконец пенсию, переселили из полуразвалившейся избу в хорошую квартиру. Опубликовали бы сразу — четыре года жила бы хорошо. А так — три месяца.

С Быковым мы сошлись. Когда я бывал в Минске, заходил к нему — довольно скромная, «непрестижная» квартира, далеко от центра. Случалось, он провожал меня на вокзал вместе с Николаем Матуковским, известным собором в Белоруссии. Нос его на воздухе краснел, казалось, ему зябко, хотя было тепло. Мы стояли у вагона, мимо проходили и пробежали люди с поклона и без, кто-то с кем-то прощался рядом. И ни один человек не узнавал его, великого писателя, на собственной земле.

В начале девяностых Василь Владимирович предложил мне рекомендацию в Союз писателей России. Я ответил: не нужно, ваша рекомендация недействительна, вы иностранец. «А я все равно напишу», — ответил как-то упрямо. Для Василия его рекомендация была как еще одно, нелишнее рукопожатие.

Читателем «Известий» он оказался благодарным, откликнулся на многое. Здесь вот что важно: он регулярно читал «Известия» даже в годы зарубежных скитаний. «Известия» во все времена платили ему взаимность.

Вехи

Николай Егорович Матуковский — многолетний заведующий корпунктом «Известий» в Белоруссии.

Коля — друг мой беззаветный, человек Божий, всякая несправедливость ранила его. Он спас жизнь людей, безвинно осужденных за убийство (двоих безвинных уже успели расстрелять. Очерк «Тень одной ошибки»). Он первым сообщил о том, что из Чернобыля пострадали земли Белоруссии, люди жили там, где жить нельзя. Надо ли говорить, что Матуковский и Быков, два единомышленника, дружили.

В 1972 году в Минск приехал главный редактор «Известий» Лев Николаевич Толкунов. Не один, с заместителем заведующего отделом ЦК партии. Ужинали втроем.

— Как живет Василь Быков? — спросил у Матуковского главного редактора. Был как раз разгар травли писателя. В его гродненской квартире били окна, в школе предателя. Не знаю, правда ли, но Матуковский говорил потом, что в ту пору Быков был близок к самоубийству.

Журналист не успел открыть рот, как цеховский «замзав» разразился тирадой: «Это предатель, враг партии и советской власти. Позорит высокое звание писателя. У него в каждой повести — изменник, черная душа. Литература — это обобщение! Выходит, что на фронте были одни предатели? Войну выиграли мы — из этого надо исходить».

Перестройка перестройкой, а материал «Известия» публиковать не решились. Большой беды не было: Василь Быков в эту пору был в силе, в полном покое, от него на время отстали, никакая газетная поддержка ему не была нужна (потому, наверное, мы и говорили на грани риска). Беседу опубликовал журнал «Дружба народов».

В девяностые годы Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

спрашивая о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Вот так и продолжалось. Василь Быков продолжал присутствовать на страницах «Известий» — и один, и

26 января 2000 года, среда, № 14 (25606) Московский выпуск Рекомендуемая цена — 4 рубля http://www.izvestia.ru Газета выходит